

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР
ПОСТОЯННЫЙ ОРГКОМИТЕТ ПО ПРОВЕДЕНИЮ НАУЧНЫХ СЕССИИ
ПО ДРЕВНЕМУ ВОСТОКУ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Т Е З И С Ы

ДОКЛАДОВ ВСЕСОЮЗНОГО СИМПОЗИУМА
«ГОРОДА И ТОРГОВЛЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
III—I ТЫС. ДО Н. Э.»

(Ереван, 19—23 мая 1969 г.)

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАСКОПОК СТАРОГО АРМАВИРА.

1. Армавир возник на месте урартской крепости Аргштихинили, как показали раскопки, продолжал существовать также после падения Урарту. Вследствие этого имеется непосредственная приемственная связь между материальной культурой урартской и последующей эпох.

2. Крепостная стена урартской цитадели и некоторые архитектурные сооружения продолжали функционировать и позднее. В эллинистическую эпоху оборонительная система цитадели укрепляется дополнительными сооружениями, при этом появляется новая техника кладки с применением деревянных и металлических связей.

3. Обнаруженные при раскопках предметы вооружения VI-I вв., повторяя прежние формы, одновременно претерпели значительные изменения.

4. В керамике VI-I вв. наблюдаются формы изделий, идущие с урартского времени, однако керамическое производство обогащается новыми видами изделий и приемами их художественной отделки. В армавирской керамике значительное место занимает расписная керамика, которая опирается не только на местные вековые традиции производства расписной керамики, но и выявляет связь с керамикой соседних стран, в частности Малой Азии.

5. Добытый раскопками археологический материал показывает, достаточно высокий уровень местной культуры в VI-I вв., а также, заметное расширение торгово-экономических и культурных связей, Армении с Ираном, Малой Азией, Сирией и со странами Закавказья.

6. В III-II вв. до н.э. Армавир переживает новый подъем и становится крупным городским центром — столицей Армении. Во II в. до н.э. город уступает свою роль политического, культурного и духовного центра новой столице Армении — Арташату.

Н.В. АРУТЮНЯН, К.Л. ОГАНЕСЯН

(Ереван)

ГОРОД ЭРЕБУНИ СОГЛАСНО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

Клинописные источники, происходящие из раскопок Эребуни, проливают свет на основание и многогранную жизнь этого крупнейшего административного центра древневосточного государства Урарту.

Устанавливается, в частности, военно-стратегическое значение интересующего нас города-крепости не только для упрочения военных успехов Урарту на Араратской равнине, но и в деле завоевания новых стран и племенных территорий, лежавших к северо-востоку и востоку от Эребуни, в бассейне озера Севан и т.д.

Письменные источники и археологический материал, с другой стороны, свидетельствуют о высоком хозяйственном значении города Эребуни. Бросаются в глаза, в особенности, богатые зерновые и виноградарски-винодельческие запасы указанного центра. Некоторые новые надписи, наряду с уже опубликованными, повествуют о крупных зернохранилищах Эребуни, которые своими запасами несколько не уступали подобным же сооружениям, известным из центра Урарту.

Эребуни, с другой стороны, согласно письменным источникам выступает в качестве крупного культурного центра с храмом и другими подобными сооружениями.

Письменные источники характеризуют также этнический облик города Эребуни. Выясняется, что в этническом составе Эребуни, как и страны Аза, занимали определенное место не только биайнийцы, хетты и цупанийцы, но и азайцы, абилиянийцы, вавилоняне и представители других древних народов, территории которых в свое время стали объектом урартского нашествия.

Таким образом, представленный доклад посвящен военно-стратегическому и культурному значению, а также этническому составу города Эребуни.

В.К. АФАНАСЬЕВА

(Ленинград)

ИДЕОЛОГИЯ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В ШУМЕРО-ВАВИЛОНСКОЙЛИТЕРАТУРЕ Ш-П ТЫС. ДО Н.Э.

1. Многие проблемы городской идеологии весьма подробно и успешно разработаны на античном и средневековом материале, когда же речь заходит о древневосточных обществах, то изучение городской культуры и идеологии наталкивается на ряд сложностей. В первую очередь они связаны с затруднениями в определении самого понятия "город", "город-государство" применительно к Двуречью в Ш-П тыс. до н.э., поскольку наши поиски в области идеологии и культуры в значительной мере обусловлены смыслом, который мы вкладываем в эти понятия.

2. С другой стороны, при попытке определить степень освещения интересующих нас явлений литературными текстами, мы должны выяснить возможность самого использования имеющихся памятников (здесь важную роль играет характер записей, определение их возраста, цели создания произведения).

3. Поэтому доклад в основном будет посвящен общему обзору материала, выяснению возможностей его использования, а также постановке некоторых методологических вопросов, с которых, по мнению автора, необходимо начать, прежде чем непосредственно перейти к конкретному изучению источников.

а. Можно ли при рассмотрении литературных текстов обнаружить в них некое идеологическое начало, связанное с определенной социальной средой? Если да, то выражают ли эти представления интересы общества в целом или какой-то группы общества?

б. В каком виде эти представления зафиксированы в текстах? Как нечто устоявшееся, как явление обыденное, само собой разумеющееся, или напротив, в противопоставлении другим взглядам например, более архаичным? Противопоставляется ли идеология города сельской идеологии, идеология хрещеская - идеологии племенной, общинной? Возможно ли проследить тенденцию развития?

этих явлений и ее направление? Как, скажем, отражают литературные тексты периоды единства страны и периоды ее разобщенности?

4. В докладе рассмотрена группа шумеро-вавилонских мифов, главным образом связанная с космогоническими представлениями шумерийцев и вавилонян, а также мифы этиологические (сказания о наведении порядка во вселенной, о распределении обязанностей). При исследовании подчеркнуты и выделены некоторые существенные моменты, это:

а. Отсутствие единой системы представлений и намечающаяся тенденция к ее созданию и упорядочиванию (пантеон, канонизация); выяснение целевой установки при записи мифа.

б. Возможность выявления общешумерских и общегородских богов и попытка определить их роли и функции.

в. Противоречивость литературной характеристики богов, ее значение при определении идеологической направленности мифа.

г. Обилие диалогов споров между земледелием и скотоводством, между отдельными городами; характер этих споров, их идеологическая и литературная сущность.

5. Таким образом, исследование литературных шумеро-вавилонских текстов, как показывает их первичная обработка, является важным фактором в выделении специфических условий, в которых создавалась и развивалась идеология "городов-государств" Двуречья, даже и в том случае, когда эти явления и не находят прямого отражения в источниках.

И.Д. АМУСИН

(Ленинград)

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДРЕВНЕЙ ПАЛЕСТИНЕ.

(Тезисы не представлены).

А.А. ВАЙМАН

(Ленинград)

ШУМЕРО-БАВИЛОНСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ ТРУДА

В докладе дана сводка строительных норм труда, которые применяли шумеры и вавилоняне в конце III — начале II тыс. до н.э. Это нормы по копке и переноске земли, переноске кирпича, кладке кирпичной стены и др., зафиксированные в клинописных математических текстах и списках постоянных величин. Некоторые нормы засвидетельствованы также клинописными документами хозяйственной отчетности.

И.П. ВАЙНБЕРГ

(Даугавпилс)

ГОРОД И "ХОРА" В АХЕМЕНИДСКОЙ ИУДЕЕ

В обширной литературе о ближневосточном городе древности городу в ахеменидской Иудее уделено мало внимания. Это оправдывает постановку вопроса, изучение которого важно для понимания структуры гражданско-храмовой общины в Иудее.

1. I. Большинство исследователей не проводит четкую грань между понятиями "гражданско-храмовая община в Иудее" и "персидская провинция Йехуд", предполагая, что провинция Йехуд — это территориально-административное обрамление гражданско-храмовой общины.

2. Данные о количестве и расселении членов гражданско-храмовой общины доказывают, что в VI—V вв. до н.э. эта община была отдельным социально-политическим организмом на территории персидской провинции, который в ее рамках сосуществовал с другими социально-политическими образованиями.

3. Поэтому объектом нашего изучения является только город и "хора" в рамках гражданско-храмовой общины, на занятых ею землях.

П. I. Термины, служившие самообозначению общины, могут быть разделены на две группы: а) религиозно-политические термины, исследованные Х.Фогтом, и б) административно-территориальные термины.

2. Изучение административно-территориальных терминов в Esr. - Neh. доказывает, что во второй половине V в. до н.э. преобладают термины *yhwδh-yhwδ* и *yrwδlm*.

3. Ветхозаветные и эпиграфические данные доказывают, что *yhwδh - yhwδ* был не только названием персидской провинции, но также одним из самообозначений гражданско-храмовой общины на части территории этой провинции.

4. Город Иерусалим упоминается в Esr. - Neh. в трех аспектах: а) в качестве религиозно-политического центра общины, б) центра одной из областей (*plk*) персидской провинции Йехуд - *yhwδ* и в) резиденции персидского *pñh* Иудеи. Однако, нет данных о том, что Иерусалим в VI-V вв. до н.э. воспринимался как центр всей Иудеи, а Иудея - как "хора" Иерусалима.

5. Ветхозаветные и эпиграфические данные не говорят о наличии у города Иерусалима в VI-V вв. до н.э. своей "хора", т.е. о принадлежащей городу земле.

III. I. В Esr.-Neh. помимо Иерусалима еще упомянуты более 30 городов (*'rwm*), в которых жили члены гражданско-храмовой общины. Эти города имели свои органы самоуправления (Esr. 10, 14; Jud. 6, 14, 16 и др.).

2. Слово *'yr* или названия различных городов неоднократно встречаются в Esr.-Neh. в сочетании, передающем принадлежность (через *status constr.* или союз *-w*), с терминами *śdh* и *hšr*, которые выражают хозяйственную специфику земель. Однако, слово *'yr* или названия городов в Esr.-Neh. не упоминаются в таком же сочетании с терминами, выражающими собственнический статус земли - *'hzh-nhlh* и *mkhh-kny*. Только в утопическом плане распределения земли встречается формула *'hzt h'yr* (45, 6-7; 48, 20-22)

3. В послепленной ветхозаветной литературе (Neh. II, 3=I Chr 9, 2; Neh. II, 20 и др.) есть упоминания о том, что

hzh-nhlh членов гражданско-храмовой общины находится на территории городов. Однако, эти земли не принадлежали городам, а являлись собственностью батеи абот общины.

При наличии черт сходства между гражданско-храмовой общиной в Иудее и самоуправляющимися городами селевкидской Вавилонии (Г.Х. Саркисян) или храмовыми объединениями Малой Азии и Армении (А.Г.Периханян), первая весьма существенно отличается от последних, и также от античных полисов. Этим, возможно, частично объясняется упорное сопротивление гражданско-храмовой общины процессу эллинизации.

М.Л. ГЕЛЬЦЕР

(Вильнюс)

ГОРОД ИБЛА В СЕВЕРНОЙ СИРИИ III-II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

1. Итальянские раскопки на холме Телль-Мадрих в Северной Сирии (70 км. к югу от Халеба), площадью в 900х700 м, с 13-метровым культурным слоем, начатые в 1964 г., дали во время пятого сезона (осень 1968г.) возможность отождествить этот объект с древней Иблой (Эблой). Найдена база статуи со староаккадской надписью в 26 строк, посвященной правителем Иблы богине Иштар, а также фрагменты клинописных табличек. Все это снимает все прежние попытки локализации Иблы в других местах.

2. Таким образом становится ясным направление походов царей Саргона Аккадского и Нарам-Сина (XXIV-XXIII вв. до н.э.), следовавших из Мари на Ярмут и Иблу. Отпадает локализация Ярмута в южной Сирии и отождествление этого места с Ярмутой Телль-Эль-Амарьской переписки. Надписи Нарам-Сина говорят о войне с царем Иблы и Арманума. В то же время это не дает возможности утверждать о наличии длительного политического господства Аккадской династии в Ибле.

Археологические слои конца раннебронзового и самого начала среднебронзового века здесь самые мощные, что соответству-

ет периоду ок. 2350–2000 г.г. до н. э.

3. Археологические остатки свидетельствуют о мощной оборонительной системе, храмах и дворцах, из памятников материальной культуры выделяется круглая скульптура и рельефы, где наряду с влиянием Двуречья можно отличить прототипы сиро-хеттского искусства II–I т.л. до н.э.

4. Ибла упоминается также в качестве экономического контрагента правителя Лагаша Гудеа (XXII в.) и нередко фигурирует в административно-хозяйственных текстах времени III дин. Ура (XXIV) Хителы Иблы, сносившиеся с государством Ура имеют семитические имена и явно связаны с аморреями, центр которых находился в районе Джебель-Бишри, недалеко от Иблы. Однако и здесь нет пока текстов, указывающих прямо или косвенно на политическое подчинение Иблы гос-ву III дин. Ура.

5. Вероятнее всего Ибла также подвергалась вторжению аморреев на рубеже III–II т.л. Царь Мари, Яхдунлим, захвативший земли в этом районе, Иблу не упоминает. После 2000г. археологические слои здесь намного тоньше и беднее по содержанию. Однако Ибла продолжала существовать, о чем говорят отдельные тексты Двуречья начала II тыс. и тексты Алалаха УП слоя (XV–XVI вв.). Согласно последним можно предположить, что Ибла, как и Алалах были в подчиненном положении у Ямхада, наиболее крупного и мощного северосирийского царства до ок. 1600г. до н.э.

6. В позднебронзовом веке имеются несколько старых упоминаний об Ибле в качестве крайне незначительного населенного пункта, впоследствии весьма обильные археологические памятники относятся к ахеменидскому периоду (VI–IV вв. до н.э.).

7. Публикация памятников материальной культуры из Телль-Мардиха-Иблы и изучение источников Двуречья с упоминанием этого города должны нам дать впервые картину городской жизни во внутренней части северной Сирии конца II тыс. до н.э. и прояснить многие вопросы, связанные с т.н. периферийными областями Древнего Ближнего Востока в его наиболее ранний период.

Э.А. ГРАНТОВСКИЙ
(Москва)

О ГОРОДАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ИРАНА В НАЧАЛЕ I ТЫС.

ДО Н.Э.

(Тезисы не представлены)

Р.А. ГРИБОВ
(Ленинград)

СЕВЕРОМЕСОПОТАМСКИЙ ГОРОД КОНЦА III - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ

II ТЫС. ДО Н.Э. ПО ТЕКСТАМ ИЗ МАРИ

(Тезисы не представлены)

М.А. ДАНДАМАЕВ
(Ленинград)

РОЛЬ ТАМКАРОВ В ПОЗДНЕЙ ВАВИЛОНИИ

1. В вавилонских документах УП-IV вв. до н.э. упоминаются "царские тамкары", "старшины тамкары", "крупные тамкары" и т.д.
2. Тамкары в Вавилонии рассматриваемого времени занимались международной торговлей, в частности, вывозом из Египта квасцов и продажей их в Вавилонии.
3. Царские тамкары занимались продажей товаров, принадлежавших царю (в частности, золота и натуральных продуктов).
4. Внутри страны тамкары занимались работоторговлей, куплей-продажей скота, фиников, ячменя, рыбы и т.д.

5. Кроме того, тамкары были ростовщиками и ссужали под залог лиц и за проценты деньги и продукты питания (ячмень, финики, чеснок, растительное масло и т.д.)

6. Тамкары были крупными землевладельцами и сдавали свои земли в аренду.

И.М. ДЯКОНОВ

(Ленинград)

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА В ВАВИЛОНИИ II ТЫС. ДО Н.Э.

1. Древний город как социальное явление представляет собой исключительный интерес для историка, так как в нем как в фокусе сосредоточены все характерные особенности экономики и социального строя той эпохи. Непременно прежде всего следует остановиться на дефиниции понятия "город" применительно к древнему обществу, поскольку в литературе по этому поводу нет единства мнений.

2. В настоящей работе под "городом" будет пониматься населенный пункт, представляющий собой центр тяготеющей к нему сельскохозяйственной округи и одновременно центр специализированного (т.е. не чисто домашнего) ремесла и, соответственно, товарного и иного обмена, также накоплений. В конкретных условиях Вавилонии III-II тыс. до н.э. город является, в то же время, центром царско-храмового хозяйства и государственных административных органов, отличных от органов общинного самоуправления, т.е. народной сходы и совета старейшин. В то же время наличие самих органов общинного самоуправления характерно и для вавилонской городской, как и для всякой другой общины; однако полномочия этих органов распространяются в Вавилонии, как правило, только на собственно общинный, но не на государственный социально-экономический сектор. Вторичным признаком древнего города обычно (но не всегда) является нали-

чие у него оборонительных стен.

3. Следует, далее, поставить вопрос о том, существовало ли вообще в рассматриваемое время противопоставление города и деревни, или же так называемый "город" в определенном выше смысле является тогда единственным существовавшим типом населенного пункта. До недавнего времени мы решали этот вопрос в духе второго предположения; это решение поддерживалось, в частности, тем наблюдением, что ни в шумерском, ни в аккадском языке нет другого названия для постоянного населенного пункта, кроме шум. *uru*, акк. *ālum*; термины же шум. *uru-bar-(r)a*, *maš-ga-na* акк. *karum*, *maḫkanum*, по-видимому, означают не "деревню", а временные (сезонные) станы пастухов и сельскохозяйственных работников. Однако, чрезвычайно ценные наблюдения, накопленные за время серии экспедиций, организованных в последние годы Иракским департаментом древностей совместно с Восточным институтом Чикагского университета с целью как топографического, так и хронологического фиксирования русел древних каналов и расположенных на них городищ, а также и материал, собранный А. Фалькенштейном с помощью филологических методов, заставляют по-новому взглянуть на эту проблему.

4. Выясняется, во-первых, что хозяйственно-политической единицей в древнем Двуречье был не город сам по себе и даже не "город-государство", если отождествлять государство непосредственно только с одним городом; такой же единицей, как и было предположено автором настоящей работы еще в 1950 г. — был "ном", т.е. группа населенных пунктов, тяготеющих к небольшому числу взаимосвязанных центров (от одного до трех), а также к одному магистральному каналу, отходящему от главного русла р. Евфрата или р. Диялы (но не р. Тигра!), или же к строго ограниченному участку основного течения одной из этих рек. Характер же расселения (большее или меньшее число крупных или мелких, укрепленных или же не укрепленных населенных пунктов и т.д.) по-видимому, зависел от конкретных политических условий каждого периода. Для III династии Ура (~2100-2000 до н.э.), как эпохи единства всей страны, характерно

расселение сельскохозяйственного населения за пределами стен основных городов; после падения III династии Ура, несмотря на уменьшение безопасности в стране в связи с ее распадом на несколько соперничающих государств, деревенские поселения не полностью исчезают, хотя население в это время старается группироваться в пределах городских оборонительных стен; так, документы позволяют различать малую семью как характерную для городского населения (причем не только среди царских людей, но и среди горожан-общинников) и большесемейные образования, характерные для внегородского населения. В то же время нежелание городского населения, в том числе и связанного с сельским хозяйством, покидать городские стены, сказывается в интенсивном росте скученности в городах, вплоть до образования своеобразных "коммунальных квартир" — большей частью образуемых родственными, но иногда и неродственными семьями.

5. В этой связи встает вопрос о конкретной экономической и политической роли двух секторов вавилонского общества (царского и общинного) внутри города и о бытовом взаимодействии представителей того и другого сектора. В частности, важна проблема экономической и политической роли личной свободы мелкого земледельца (землевладельца) или ремесленника этого времени (в противоположность несвободе феодального крестьянина и особому социальному месту феодального горожанина); сама свобода общинника соответствует определенному характеру складывавшегося классового антагонизма, отличного от антагонизмов, существовавших в феодальном обществе. Материал старовавилонского города позволит, вероятно, поставить, в частности, вопрос об экономическом характере и классовой сущности действовавших в то время налогов и повинностей, которыми было обременено лично свободное и в том числе городское население. В то же время личная свобода вавилонского общинника — в той же мере как и наличие в обществе отношений рабства и рабовладения — накладывало особый характерный отпечаток на культуру эпохи, выступающую в основном как городская культура. (Следует, например, обратить внимание на широкое распространение грамотности, отнюдь не ограниченной жреческой средой).

6. Другой важнейшей проблемой является взаимодействие общинно-частного и царского экономических секторов в пределах городской структуры, - взаимодействия как собственно экономического, так и политического. В политическом отношении у нас есть данные о том, что царская земля, включая храмовую и служебные наделы условного пользования, находились под юрисдикцией царского чиновника (исключение, может быть, составлял город Сиппар), а частная земля - под юрисдикцией суда, выделявшегося общинными органами самоуправления. Такой ясности нет в отношении бытовых, а также уголовных дел; создается впечатление, что решавшие подобные дела органы самоуправления - квартальная сходка (*bābtum*) , собрание совета - не обязательно исключали царских и храмовых служащих; напротив, в некоторых случаях, видимо, созывался именно совет жрецов и храмовых служащих, равных по положению тяжущимся; может быть, именно отсюда нужно прослеживать возникновение храмово-городских органов общинного самоуправления, столь характерных для поздней Вавилонии.

7. В экономическом отношении встает, в частности, вопрос о характере не только международного обмена, для изучения которого в рассматриваемый период уже сделано довольно много, но и в первую очередь внутреннего обмена: внутри страны, внутри "нома" (между городом и деревней) и внутри самого города; необходимо решить вопрос о якобы "безрыночном" характере торговли в вавилонских городах; требует полного пересмотра и значительно более глубокого исследования проблема уровня товарности производства как в государственном, так и в общинно-частном секторе. Некоторые первичные наблюдения в этой области будут сообщены в докладе.

8. В противоположность более ранним нашим социально-экономическим исследованиям, в настоящее время необходимо уделять гораздо большее внимание не только выявлению статической структурной модели того или иного общества - в том числе и города в Вавилонии II тыс. до н. э. - но и проблемам всего экономического механизма, что предполагает:

а) Изучение конкретной экономики отдельных хозяйственных единиц (государственных и частных хозяйств) и, в частности, трудового бюджета, возможности и экономической необходимости создания прибавочного продукта и характера его присвоения;

б) Изучение сферы обмена и обращения;

в) Изучение сферы потребления. Изучение обмена, обращения и потребления необходимо потому, что без этого невозможно понять цели, а тем самым и характер общественного производства данной эпохи. Но именно в сфере потребления, вплотную подходя к проблеме цели производства, мы неизбежно выходим за пределы чисто экономической проблематики в узком смысле слова.

9. Дело в том, что исторически значимые поступки людей, в том числе и в области производства (и экономики вообще) обуславливаются не непосредственно состоянием производственных отношений в их соотношении и производительными силами, а через волю людей. На волю же общественных групп и отдельных их представителей влияют не только непосредственно производственные отношения, что проявляется в виде прямого классового экономического интереса, но и воспитание в человеческих коллективах определенных идей, которые "становятся материальной силой, когда они овладевают сознанием масс". При этом следует учитывать, что сознание масс никогда не является вакуумом, но им всегда владеют определенные идеи, сложившиеся как под влиянием социально-экономической ситуации данного времени, так и в силу традиций, сложившихся под влиянием минувших социальных ситуаций.

10. Это приводит, в самых интересах экономической истории, к необходимости изучать культуру общества, понимаемую не как сумма сведений о литературе, науке, искусстве, мировоззрении и т.п., а как совокупность тех базисных и надстроечных факторов, которые воспитывают сознание масс и влияют на их волю, вызывая определенные исторически значимые поступки. Трудность изучения совокупности этих факторов очевидна. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении подробнейшие документальные и археологические данные, относящиеся ко всем сторонам жизни старовавилонского города (Сиппар, Дильбат, Ларса, Куталла, Ур

и др.) позволяют вплотную подойти к разрешению встающих таким образом проблем. Поскольку же город старовавилонской эпохи является фактически и сельскохозяйственным, и ремесленным, и торговым, и административным, и культурным, и религиозным центром, постольку изучение города позволяет ставить и разрешать все основные для данного периода исторические проблемы вообще, а характер источников позволяет это делать с максимальной конкретностью.

Г.И. ДОВГЯЛО

(Минск)

ЦАРЬ ХЕТТОВ И ГОРОД ХАТТУСАС

(Тезисы не представлены)

С. КАШКАЙ

(Баку)

О ГОРОДАХ-КРЕПОСТЯХ МАННЫ

Ассирийские и урартские источники часто называют поселения Маннейского государства. Эти поселения, хотя и обозначались одним и тем же словом *ālu*, делились на укрепленные города-крепости *ālāni dannūti* и поселения, которые располагались вокруг этих крепостей *ālāni šiprūti ša limēti-šunu*. При нападении врага жители поселений укрывались в близлежащей крепости и готовились к обороне. Но *ālāni dannūti* не все были одинаково городами — населенными пунктами. Некоторые из них, видимо, были просто оборонительными сооружениями, зани-

мавшими стратегически важные позиции, в которых было некоторое количество войск для предотвращения вражеского проникновения. Другая часть *ālāni dānnūti* укреплялась более тщательно, внутри имела цитадель и другие жилые здания. Они были местожительством знати, в них сосредотачивались материальные богатства страны. Разница эта в первую очередь видна при перечислении добычи. Если первые разрушают и захватывают в них и окружающих поселениях, только скот, то из вторых вывозились скот, зерно из амбаров, серебро, золото и предметы ремесленного производства. Представить внешний вид таких крепостей помогают изображения их на ассирийских рельефах. При описании захвата Маннейской крепости Ушкайн, Саргон II дает сведения о ее размерах и строении ее стен.

Археологические работы проведенные в Хасанлу, на территории древней Манны, Американским Археологическим Обществом под руководством Р.Дайсона, подтверждают сведения клинописных источников о существовании крупных, значительно укрепленных крепостей.

Древняя крепость, раскопанная в Хасанлу, занимала большой холм, застроенный жилыми зданиями. Вокруг холма шла укрепленная стена, от которой осталось основание в 3м. 20см. толщиной, т.е. примерно равное "8 локтям" надписи Саргона II. Основание стен было сложено из крупных каменных плит, остальная же часть ее была построена из сырцового кирпича. По всей окружности стены с интервалом в 30 м. были сооружены выступающие башни. Между башнями стена была усилена еще двумя контрфорсами. Эти укрепления напоминают урартские, раскопанные в Кармир-Блуре и крепость на Ванской скале. В центре находилась цитадель, которая возвышалась над остальной частью, так как была сооружена на насыпи. Здесь было откопано несколько зданий, разделенных мощными улицами. Как предполагает Р.Дайсон, здания эти были в два этажа, может быть они похожи на здания, изображенное на бронзовой пластинке из Топрах-Кала.

Достижения строительной техники Хасандусской крепости, находки в ней предметов ремесленного производства большой художественной ценности, свидетельствуют о существовании самобыт-

ной местной культуры и довольно высокой ступени общественного развития в районе оз. Урмия в начале I тыс. до н.э., чем это предполагалось до сих пор.

Н.В. КОЗЫРЕВА

(Ленинград)

ПРОЕКТ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА

ЛАРСЫ

Километрах в 15-ти к северу от Евфрата (к северо-западу от Насирии) находятся холмы, называемые сейчас Сенкере. Они протянулись на 2 км с севера на юг и на 1,8 км с востока на запад. В высшей своей точке холмы достигают 22 м. Под ними скрываются развалины одного из древнейших городов земли — города Ларсы.

Первым раскопки этого холма предпринял английский дипломат Лофтус в 1857—1858 годах; он же впервые и идентифицировал Сенкере с древней Ларсой. В 1903 г. здесь копал Андре и в 1932—33 гг. — французская экспедиция во главе с А. Парро (работа этой экспедиции в очень маленьком масштабе продолжается и до сих пор). Раскопки дали богатейший документальный материал, для обработки которого потребуется многолетний труд не одного ученого.

Судя по раскопкам Ларса представляла собой старовавилонский период (т.е. в начале II тыс. до н. э.) типичный южно-месопотамский город: в центре находился "Теменос", состоявший из храма бога-покровителя Ларсы, Шамаша, и Энкиурата. Метрах в 300 от "Теменоса" находился дворец правителя. Остальная площадь города была, вероятно, занята городскими строениями, среди которых были расположены несколько более мелких храмов.

Город Ларса просуществовал в течение очень длительного времени: с раннединастического по нововавилонский период, к ко-

торому относится последнее упоминание о нем. Все это время, однако, за недолгим исключением, это был провинциальный город, не имевший большого политического значения. Лишь на короткое время после падения III династии Ура (в конце XXIV. до н. э.) Ларса достигла высшего могущества, — стала столицей южной Месопотамии. Но появился более сильный соперник — Ларса была покорена; и город вновь на века погрузился в сонное провинциальное существование.

Этот короткий период возвышения и упадка и стал предметом нашего изучения. Политическая история Ларсы этого времени относительно хорошо восстановлена на основании votivных надписей, датировочных формул и других текстов. Исследованию подверглись и ряд других проблем, связанных с государством Ларсой. Тиро-Данжен занимался изданием документов этого периода из Ларсы, вопросами хронологии; В.Ф.Леёманс посвятил несколько книг и статей проблеме торговли того времени, в основном оперируя материалами из Ларсы. Вопросы продажи недвижимости и раздела имущества в Ларсе старовавилонского периода разобрал в своих статьях Л.Матоуш; существует и много других работ. Таким образом, детальному изучению подвергся целый ряд проблем, связанных с Ларсой.

Группа ленинградских историков во главе с И.М.Дьяконовым решила вновь обратиться к изучению государства Ларсы с тем, чтобы проделать комплексное и всестороннее исследование и попытаться дать возможно более полный ответ на вопрос, что представляла собой южная Месопотамия с точки зрения социально-экономической и культурно-бытовой в начале II тыс. до н.э. Возникают три вопроса:

1. Почему для этого необходимо комплексное исследование? Во-первых, потому что просто нельзя объять необъятное — один ученый не сможет достаточно полно и с одинаковой степенью точности осветить все стороны жизни общества; и, во-вторых, комплексное исследование позволит нам в какой-то степени избежать опасного субъективизма.

2. Почему для изучения старовавилонского периода мы выбрали именно Ларсу?

По причинам чисто практического характера. В принципе мы мог-

ли взять любой другой город интересующего нас периода, но Ларса особенно удобна для изучения, т.к. а) известны точные хронологические рамки правления ларских царей этого периода, б) сохранился очень хороший археологический материал (правда не из собственно Ларсы, а из соседнего и подвластного ей города Ура), в) период избранный для исследования сравнительно небольшой — около 100 лет, но очень богат документированный, г) кроме административно-хозяйственных документов (дошедших до нас в большом количестве и из других городов) в Ларсе сохранилось большое число частных документов, освещающих приватную жизнь горожан: сделки о купле и продаже домов и полей, долговые расписки, разделы имущества, судебные дела, записи об усыновлении, брачные контракты, частные письма и т.д.

3. В чем будет заключаться наше исследование?

Невозможно понять структуру общества древности, действующие в нем закономерности, не восстановив во всей возможной полноте общественную и бытовую обстановку того времени. Нашей задачей является сбор, систематизация и изучение по-возможности всей совокупности факторов, воздействовавших на человека той эпохи и являвшихся результатом его жизнедеятельности; факторов, совокупность которых отражает общественное сознание и характер мышления человека той эпохи. То есть не просто, например, изучение земельных отношений, царского и храмового хозяйства, а изучение, прежде всего, жизни конкретных земледельцев, конкретных лиц царского и храмового персонала, с тем чтобы потом на основе сопоставительного анализа вернуться к вопросу о земельных отношениях вообще. Такому же исследованию хотелось бы подвергнуть и другие стороны жизни того времени: суд и юридическую практику, занятия горожан, семейную жизнь, искусство и религию. Это оказывается возможным в результате одновременного изучения административно-хозяйственных и частных документов, взятых в той взаимосвязи, в которой они находились в реальной жизни, а не только расклассифицированных по отдельным юридическим категориям; все эти документы должны будут также быть подвергнуты просопографическому анализу.

Постижение жизненной обстановки того времени, судеб от-

дельных людей должно помочь нам и в разрешении вопроса о структуре общества, в котором жили эти люди.

Б.А. ЛИТВИНСКИЙ

(Душанбе)

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГОРОД В ДРЕВНОСТИ ПО АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. Проблема генезиса среднеазиатского города в западноевропейской и советской историографии. Мнение М.И.Ростовцева и В.Тарна о возникновении среднеазиатских городов в результате чужеземного влияния и критика этих взглядов С.П.Толстовым. Вклад М.М.Дьяконова. Формирование концепции о спонтанном развитии среднеазиатских городов. Ограниченность ее крайних вариантов, исключающих воздействие соседних цивилизаций.

2. Археологическое исследование среднеазиатских городов. Раскопки на территории Северной Парфии и Маргианы. Городища Нисы и степень их изученности. Раскопки на Гяур-Кале (Мерв). Древний Хорезм и специфика исследования его городов (сохранность фортификации и рельефа). Раскопки Калалы-Гыра и Топрак-калы. Бактрия-Тохаристан и раскопки в Бадже, Термезе, Кей-Кобад-Шахе, Халчаяне, Саксан-Охуре. Беграм-Калиса и города Гандхары. Ферганские города. Проблема сакских городов. Выводы: слабая археологическая изученность среднеазиатского города.

3. Проблема генезиса среднеазиатского города эпохи древности. Поселения Южной Туркмении конца эпохи бронзы. Намазга-тепе. Алтын-тепе. "Протогородская цивилизация" Средней Азии /В.М.Массон/ и ее компоненты. Судьба поселений при переходе от бронзового к ранне-железному веку. Яз-депе /Маргиана/ и Кучук-Тепе /Бактрия/. "Авеста" о городе.

4. Направления историко-культурных связей среднеазиатской цивилизации в древности. Иран и Средняя Азия. Грекоэллинисти-

ческий мир и Средняя Азия. Индия и Средняя Азия. Вероятность и возможность взаимных влияний и воздействий. Ой-Ханум и значение этого памятника для истории городской цивилизации Средней и Центральной Азии.

5. Типы городов и городских поселений. Столичные города. Рядовые города и городские поселения. Крепости-убежища. Культурные заповедники /Сурх Котал/. Выводы: градостроительные принципы Средней Азии развивались, как составная часть средневосточной градостроительной концепции, испытывая сильное и плодотворное влияние греко-эллинистической и индийской градостроительных школ.

6. Городская фортификация и ее компоненты. Государственные крепости. Форма и общая планировочная схема городов.

7. Общественные сооружения: дворцы, храмы. Дворцово-храмовый комплекс Старой Нисы. Дворец Ой-Ханум. Дворец в Халчаяне. Дворцово-храмовое сооружение в Саксан-Охуре. Планировка Сурх-Котала.

8. Рядовая застройка города. Торгово-ремесленные кварталы. Элементы городского благоустройства.

9. Город как культурный, ремесленно-торговый и культовый центр. Вопрос о ремесленных корпорациях в древней Индии и Средней Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Среднеазиатский город эпохи древности являлся наиболее динамичным и важным составным элементом среднеазиатской цивилизации.

А.Г. ЛУНДИН

(Ленинград)

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО В ЮЖНОЙ АРАВИИ

І ТЫС. ДО Н.Э.

І.О. Южная Аравия І тыс. до н.э. стадияльно представляет собой этап становления классового общества и возникновения

государства, самый ранний этап истории древнейеменской цивилизации, доступный изучению.

1.1. В этот период Южная Аравия достигает высокого уровня экономического развития, сравнимого с уровнем передовых стран Ближнего Востока этого времени: интенсивного сельскохозяйственного производства (зерновые, финиковая пальма, благовония) высокой техники искусственного орошения и строительства, значительного развития ремесел и торговли (транзитной, международной и внутренней по сложившимся постоянным торговым путям).

1.2. Социальные отношения соответствуют уровню экономического развития и характеризуются наличием классового и имущественного расслоения, развитием частной собственности и сложной системой организации общества.

1.3. Специфика имеющихся источников, ограничивающихся эпиграфическим материалом, позволяет достаточно подробно осветить лишь государственное устройство Южной Аравии.

2.0. Сабейское государство характеризуется значительным размером (большая часть современного Йемена), стабильностью организации (практически не меняющейся на протяжении всего I тыс.) и многообразием функций.

2.1. В имеющихся источниках отражена прежде всего хозяйственная функция государства, включающая строительство общественных сооружений (в том числе оросительных) и регулирование ирригации.

2.2. Как раздел хозяйственной деятельности следует рассматривать и культовую, т.е. "обеспечение благополучия общины иррациональными средствами" (И.М.Дьяконов). В функциях должностных лиц Сабейского государства органически сочетается хозяйственная и сакральная деятельность.

2.3. Военная и политическая функции государства меньше отражены в источниках и, видимо, занимали подчиненное положение.

2.4. Степень централизации государства древнего Йемена, видимо, была весьма низкой; они представляли собой конгломераты местных владений.

3.0. Местные владения обозначаются в источниках, как правило, собственными именами и никак не квалифицируются. При более

подробном описании они обозначаются - $N/w'hgrhw$ "N и города его" или $N/w'bd^c hw/w'hgrhw$ "N и области его и города его". Это позволяет охарактеризовать их как территориальные объединения.

3.1. В тех случаях, когда названия местных владений известны по другим источникам, они квалифицируются как hgr "город" (Нашан, Нашк, Харамам и др.)

3.2. Составные части больших государств Южной Аравии характеризуются источниками так же, как местные владения: "Авсан и города его", "Города и области (Саба)".

3.3. Основой внутреннего деления государств Южной Аравии был hgr "город". В его подчинении находилась сельская округа ($'bd^c$ - "области") и поселения, которые также назывались "городами". Города имели собственные культы божеств, занимавших подчиненное положение в общесабейском пантеоне.

4.0. Правители "городов" обычно называются просто по имени, без титула. Имя может соединяться с названием города частицей $\dot{a}$, выражающей также родо-племенную принадлежность.

4.1. Изредка встречаются титулы местных правителей - bkr "первенец" или kbr "старейшина". В контекстах, где речь идет о военных действиях, местные правители обозначаются титулом mlk "царь".

4.2. Та же двойственность титула существует и у правителей всего Сабейского государства: $muqarrib$ и царь. Она объясняется различием объема функций. Видимо, этот вывод можно распространить и на местных правителей.

4.3. Внутренняя структура города обрисована декретами, обращенными к городам. Например, RES 3951: "Йаса^c карибу, кабиру Сирваха, и совету старейшин ($m\dot{s}wd$) Сирваха и племени ($\dot{s}^c b$) Сирваха".

4.4. Термин $\dot{s}^c b$ обозначает не собственно племя, а территориальную гражданскую общину, население определенного города. Однако эта община конституирована по образцу племени и, вероятно, в некоторых случаях сохраняет кровнородственное ядро и племенное самосознание, что дает основание сохранить традиционный перевод термина "племя".

4.5. Южноарабские "города" можно охарактеризовать как самоуправляющиеся гражданские общины, возглавлявшиеся специальными магистратами и управлявшиеся городским советом и, может быть, также народным собранием общины-племени ($\text{ḥw}^{\text{C}}\text{b}$)

5.0 Структура городского управления совпадает со структурой сабейского государственного аппарата. Но города не представлены в общесабейском совете старейшин.

5.1. Общесабейский совет комплектовался представителями особых "племен совета", не отраженных в территориальном делении государства.

5.2. "Племена совета" обозначались термином ḥw , не совпадающим с обозначением городской общины-племени - $\text{ḥw}^{\text{C}}\text{b}$.

5.3. Это позволяет определить "племена совета" как кровнородственные объединения, не связанные с определенными территориями.

5.4. "Племена совета" упоминаются исключительно в связи с общегосударственными хозяйственно-сакральными институтами: эпониматом, разными видами кабирата или хречества.

6.0. Особенностью Сабейского государства является сочетание двух принципов деления: на "племена совета" и на городские гражданские общины. Характер сочетания двух принципов и практика "двойного подчинения" представляют первостепенный интерес и заслуживают пристального внимания.

В.М. МАССОН
(Ленинград)

ПРОБЛЕМА "ГОРОДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ" ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕЙ АЗИИ И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

(Тезисы не представлены)

Э.А. МЕНАБДЕ

(Тбилиси)

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ХЕТТКОМ ЦАРСТВЕ(СЕР. П ТЫС. ДО Н.Э.)

(Тезисы не представлены)

И.В. ПЯНКОВ

(Душамбе)

ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИАХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМАНТИЧНЫХ АВТОРОВ

1. Античные авторы называют на территории "Средней Азии" ахеменидского времени и города (*πόλις*, *urbs*, *oppidum*), и села (*κώμη*, *vicus*, *ager*). Каким критерием пользовались они для различения города и деревни — не ясно. Скорее всего, они исходили просто из размеров населенного пункта: больший называли городом, меньший — селом. Поэтому мы учитываем известия о всех населенных пунктах.

2. В Бактриане упомянуты только города, причем укрепленные. Известны названия четырех городов: Бактры-Зариаспы, Аорн, Драпсаки, Кариаты. Бактры и Аорн имели акрополь. Наиболее подробно описываются в источниках Бактры, крупнейший город Бактрианы.

3. В Согдиане, в собственно согдийских областях (долина Поллутимета, Навтаки, Ксениппы), напротив, известны только села-крепости (*ἐρύματα*) и один город — Мараанды. Этот город и его акрополь сравнительно подробно описываются в источ-

никах.

4. В области около Танаиса (Яксарта) снова упоминаются города, окруженные стенами (глинобитными). Самый крупный из них — Кирополь, город с акрополем; и об этом городе источники сообщают некоторые интересные детали.

5. Кроме того, в Бактриане и Согдиане находились и такие пункты, которые, видимо, не имели постоянного населения: это крепости на границе земледельческих областей и пустыни и горные крепости, "скалы".

6. Сообщается также о городе хорасмиев Хорасмии и о каких-то "городах" саков (Роксанака, Фастея).

7. В Средней Азии уже в ахеменидское время имелись и греческие поселения (деревня Барка, город Бранхидов).

8. Некоторые из упомянутых городов, возможно, сохраняли еще свое древнейшее назначение — быть племенными центрами, со стенами которых укрывалось во время опасности окрестное население (город — *refugium*). Видимо, это относится к городам у Танаиса; может быть, и к городам хорасмиев и саков.

9. Более отчетливо рисуют источники роль городов как административных центров. Бактры и Мараканды названы "царскими городами"; по-видимому, они были номинальными царскими резиденциями. В них, возможно, находились царские дворцы, а близ Мараканд — еще и парадис.

10. Бактры, кроме того, были резиденцией ахеменидского сатрапа и наместника. Здесь собирались "гипархи" (*ὑπαρχοι*) из подчиненных ему областей. Здесь хранилась часть царской казны и находился сборный пункт для походов в соседние области. Здесь же был и один из центров официального ахеменидского культа. Бактры были соединены с другими центрами Ахеменидской державы "царской дорогой".

11. О городах, как центрах ремесла и торговли, можно делать выводы лишь косвенным путем. Возможно, что такими центрами уже были Бактры и Мараканды. В этих городах, может быть, прослеживается та структура, которая была характерна для развитых средневековых городов Средней Азии: кремль (арк), собственно город (шахристан), пригород (рабад).

12. Очень мало известно нам о торговых путях Средней Азии

того времени. Однако жители Средней Азии предпринимали уже тогда далекие торговые путешествия: бактрийского торговца можно было встретить в Сузах.

Г.Х. САРКИСЯН

(Ереван)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОРОДСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ

В СЕЛЕВКИДСКОЙ ВАВИЛОНИИ

1. Для Передней Азии эллинистического периода весьма характерным является такой тип города, в котором его гражданская община и его храмы — жречество и прочий персонал — слились в единую храмово-гражданскую (или: гражданско-храмовую) общину. Разновидности этого типа общины наблюдаются в Малой Азии, Сирии, Палестине и т.д. Но особенно ярко он представлен в селевкидской Вавилонии. Частноправовые и административные клинописные документы, в основном происходящие из Урука, рисуют довольно отчетливую картину не только внутреннего устройства этих общин — их состав, их органы самоуправления и т.п., но и их внешние связи, в особенности — взаимоотношения с Селевкидским государством, обрисовывая их положение в системе государства примерно в таких чертах, какие характеризовали статус также эллинистических полисов.

2. Взгляд на прошлое этих местных городских общин приводит к выводу, что в отношении как внутренней структуры, так и государственно-правового статуса, они конституировались не в эллинистический период и не под влиянием эллинистического полиса (хотя определенные результаты взаимовлияния этих двух форм городских общин наблюдаются), а существенно раньше. Города, имевшие самоуправление и полуавтономию в системе большого

государства, существовали в Передней Азии со времен еще Великой Ассирийской державы, переживая в дальнейшем те или иные этапы внутренней и внешней эволюции, завершающей ступенью которой оказались городские общины эллинистического периода.

3. Характерной чертой этих городов, как и вообще городов древности был их сельскохозяйственный пояс, *χώρα* эллинистических полисов. Документы селевкидского времени дают возможность судить как о самом факте существования такого пояса, так и об источниках пополнения городской земли (из фонда царской земли), о структуре землевладения на этих территориях и т.п.

4. Существенно пополняют и детализируют наши представления о городской земле храмово-гражданских общин селевкидского времени данные неизданного клинописного документа из Берлинского Переднеазиатского музея за № VAT 9175. Это контракт между членом общины и ее руководителем о предоставлении первому из них двух участков земли на разных основах. Данные документы показывают, что земельный пояс Урука — *rehāt Uruk*, состоял из двух основных категорий — из земли, принадлежавшей еще храму, или общине в целом / *makūr Anu* — "достояние бога Ану"/ и земли, уже находившейся в полном распоряжении членов гражданско-храмовой общины, а также одной промежуточной категории — земли, находившейся в процессе перехода из храмово-общинного в частновладельческий фонд. Документы позволяют проследить конкретные формы такого перехода.

Г.А.ТИРАЦЯН
(Ереван)

К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ АРМЕНИИ ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

1. Рассматриваемый период истории городов на Армянской нагорье лежит между этапами упадка урартских городов и подъема армянских городов эллинистического времени.

2. Данные о городах Армении VI–IV вв. до н.э. весьма скудны. Первоисточники упоминают главным образом деревни, поселения, крепости, храмовые общины.

3. Картина упадка урартских городов постепенно раскрывается также археологическими раскопками, выявляющими на территории урартских городов - в самих жилищах - могильники У-ІУвв. и более поздние (Тейшебаини, Аргиштихинили).

4. Образование и рост городов Армении доэллинистического времени связаны с новой фазой разделения труда, намечавшегося в армянском обществе.

Об этом свидетельствует подъем двух основных форм хозяйства рассматриваемого времени - земледелия и скотоводства, обуславливавший процесс усиленного отделения ремесла и торговли.

5. Сведения о ремеслах Армении большей частью имеют отношение к домашним их видам, игравшим второстепенную роль в экономике страны. Большой интерес представляют, однако, находки предметов художественного ремесла - тореvтики и ювелирного дела УІ-ІУвв. до н.э. Их типологическая, а порой стилистическая связь с урартскими подобными изделиями позволяет говорить о местном производстве хотя бы части их в тех немногочисленных ремесленных мастерских урартского времени, которые продолжали свою производственную деятельность в послеурартский период в единичных уцелевших городах.

6. Засвидетельствованы торговые сношения Армянского нагорья с Ираном, Двуречьем, Малой Азией, Северным Кавказом.

7. Образование городов в доэллинистический период - стихийный процесс, нашедший свое выражение в

- а) объединении сельских поселений;
- б) объединении общин вокруг святилищ;
- в) объединении общин вокруг военно-административных центров.

Таковыми городами в рассматриваемое время могли быть Эребуни-Ереван, Ани-Камах, Аштишат, но с боьшней долей вероятности - Армавир и, может быть, Ван, превратившиеся из культовых или военно-административных центров в торгово-ремесленные центры, основой экономики которых было земледелие.

8. Слабое развитие городской жизни указывает на слаборазвитость общества рассматриваемого времени.

9. Значительные изменения, происшедшие внутри Армянского государства и совпадающие с последующим эллинистическим временем, характеризуются, в частности, бурным развитием городской жизни, нашедшим свое выражение в целенаправленной градостроительной деятельности армянских царей.

Н.В.ХАЗАРАДЗЕ
(Тбилиси)

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРЕКИММЕРИЙСКОЙ ФРИГИИ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ГОРДИОНА

В свете малоизученной проблемы социально-экономической истории Фригийского царства особое значение приобретают новые археологические материалы Гордиона (экспедиция музея Пенсильванского университета под руководством проф. Р.Янга), которые при сопоставлении с данными древневосточных (главным образом, ассирийских) письменных источников (освещающих, в основном, внешнеполитическую историю Прекимммерийской Фригии) приводят к выводу, что Фригия изучаемого периода имела оживленные торгово-экономические связи исключительно со "странами" и "городами" Восточной Малой Азии, Междуречья, Северной Сирии и Восточного Средиземноморья (о.Кипр).

Полное отсутствие в инвентаре Прекимммерийского Гордиона предметов греческого происхождения (самое раннее и пока единственное свидетельство о связях Фригии с греческим миром — это восточно-греческая ваза II половины УПв. до н.э.) наводит на мысль, что торгово-экономические взаимоотношения между Прекимммерийской Фригией и греческими центрами либо вообще не существовали, либо были очень незначительными.

Все это, с нашей точки зрения, объясняется, с одной стороны, географическими факторами (высокогорье, отделяющее Фригию от западного и юго-западного побережья Малой Азии), а, с другой, тенденцией развития восточногреческих колоний, тяготеющих в этот период в основном к греческому и египетскому миру.

Д.А. ХАХУТАЙШВИЛИ

(Тбилиси)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ ИБЕРИИ И ИХ РАЗВИТИЕВ АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

1. В середине XIX в. Пл. Иоселиани было выдвинуто положение о генетической связи древнейших городов Грузии с крепостями. В современной историографии представлен более расширенный вариант указанного положения, по которому древнейшая группа грузинских городов генетически связана с крепостями, административными центрами и торговыми путями, расположенными в экономически развитых районах страны.

2. Древнейшая группа городов, а также торговые пути определенных стран возникают одновременно в процессе образования раннеклассовых обществ. Несколько позднее, в период образования (становления) государственной власти, строятся крепости и некоторые из существовавших ранее поселений становятся административными центрами. Так как классы, а также города и торговые пути появляются несколько раньше, чем государственная власть и характерные ей административные центры и крепости, то нельзя древнейшую группу городов генетически связать с последними. Лишь позднее, в период существования государственной власти, какие-то административные центры, крепости или выгодно расположенные на торговых путях поселения действительно становились городами, но это уже вторичный, нередко субъективно направленный процесс градообразования (т.н. градоостроительство).

3. Ранняя группа античных городов Грузии генетически связана с крупными, поселкового типа поселениями раннежелезного периода, топография которых характеризуется следующими данными: посередине поселения возвышается его центральная, укрепленная часть, вокруг которой раскинут обширный посевной. Неподалеку от поселка расположен "ремесленный участок". Указанный тип поселения, зародившись в Закавказье в конце II тыс. до н. э., в сво-

ем развитии претерпевает определенные изменения и в VI в. до н.э. принимает вид городского типа поселений. VI-IV вв. до н.э. для Иберии являются периодом городского типа поселений.

4. В начале эллинистического периода в Иберии уже существуют довольно развитые городские центры. Лишь с III в. н.э. наблюдаются определенные тенденции упадка традиционных городских центров, а несколько позднее строятся первые города-крепости и начинается процесс перемещения городских и административно-политических центров страны, как следствие созревания новых социально-экономических отношений.

5. В городе античной Иберии проживали одна коренная и несколько некоренных общин, организованных по религиозно-этническим признакам. Коренная городская община, по всем данным, развилась от общин-гегемонов крупных поселений догосударственного периода. Каждая община, как правило, состояла из "домов" (родов). Правом землевладения и связанными с ним привилегиями обладали лишь члены коренной общины.

В.Н. ХАЧАТРИАН

(Ереван)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ХЕТТСКОГО ГОРОДА

Хеттские клинописные источники содержат множество фактов о структуре городов в период нового царства (XV-XIII вв. до н.э.).

Эти факты относятся к административному аппарату городов, роли и их обязанностям перед культовыми учреждениями и населением. Особое значение приобретают правовые функции руководящей верхушки городов.

В письменных источниках встречаются весьма интересные сведения также о дворцовых административных учреждениях и делениях города (царское хозяйство, земельные фонды и т.д.).

ГОРОД И ТОРГОВЛЯ В СИРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
И РИМСКОГО ПЕРИОДОВ

О.1. Город являлся важнейшей структурной ячейкой сирийского общества эллинистического и римского периодов, поэтому его изучение является одной из центральных задач советской историографии Сирии. Значительный вклад в рассмотрение как общих, так и специальных проблем, связанных с этой темой, внесли труды Н.В.Пигулевской, Г.Х.Саркисяна, И.М.Дьяконова и ряда других исследователей.

О.2. В современной науке поставлены и намечены пути решения таких важнейших проблем, как происхождение сирийского города, его экономическая основа, социальная структура и взаимоотношения с центральными органами власти.

1.1. Сирийские города эллинистическо-римского времени восходят, прежде всего, к городам доэллинистического происхождения (финикийские полисы, Дамаск, Пальмира и, возможно, некоторые другие). Другую группу сирийских городов составляли греческие полисы, возникшие в результате греческой колонизации Сирии в конце IV в. до н.э. Наконец, третья группа городов — колонии римских ветеранов, основанные в конце I в. до н.э.

1.2. В период эллинизма постепенно стираются различия между городами местного и эллинского происхождения, происходит постепенная унификация системы управления и магистратур; города оказываются в одинаковом положении по отношению к эллинистическим монархам. Структура и организация римских колоний в Сирии принципиально не отличалась от таковой же городов эллинистического времени, и поэтому колонии ветеранов быстро интегрировались в общеполитическую структуру Сирии.

2.1. Сирийский город эллинистическо-римского времени представлял собой гражданский коллектив земельных собственников; насколько об этом можно судить как по прямым, так и по косвен-

ным данным здесь господствует частная собственность на землю. Последняя восходила как к нормам, господствовавшим в эллинском обществе накануне походов Александра Македонского, так и к порядкам, существовавшим к этому времени на территории самой Сирии.

2.2. Сирийские города были важными центрами ремесленного производства – как мелких кустарных промыслов, продукция которых была рассчитана исключительно на местный рынок, так и крупных, рассчитанных на потребителей во всех концах Империи.

2.3. Особое место в развитии сирийских городов занимала торговля. Практически повсеместно существовали базары, на которых совершались крупные и мелкие операции. Международная торговля сирийских городов охватывала все Средиземноморье, включая Месопотамию. В жизни центров морской торговли (средиземноморское побережье) значительную роль играли лица, связанные с морской торговлей. В городах – центрах караванной торговли – видную роль играли крупные каравановладельцы и организаторы караванов. Торговля, морская и караванная, способствовала экономическому расцвету этих городов.

3.1. В социальном плане население сирийских городов делилось на рабов и зависимых, а также на свободных. Среди тех и других имелись собственники и эксплуатируемые производители.

3.2. Начиная с I в. н.э. непрерывно расширяется прослойка римских граждан сирийского происхождения, что способствовало укреплению социальной базы римской власти и расшатывало устойчивую полисную организацию.

4.1. Административное устройство полисов было, в общем, однотипным. Особо следует отметить активную роль народного собрания и совета, а также магистратов во внутренней жизни полиса.

4.2. Система взаимоотношений полиса и царя (императора) в римской Сирии продолжает традиции эллинистического времени, восходящие к доэллинистическому периоду; ее можно охарактеризовать как систему двойного суверенитета – полиса как традиционного политического организма и царя над полисом, который (суверенитет) вырастает из формального союза или завоевания.

Ю.Б. ЮСИФОВ

(Баку)

ГОРОД СУЗЫ

Город Сузы очень рано выдвинулся в качестве экономического и политического центра Эламского государства. Сузы были расположены на равнине между реками Карун и Керха. Здесь существовали благоприятные условия для возникновения и развития древнейшего земледелия. Археологические материалы свидетельствуют о наличии оседлого земледельческого населения в Сузах в IY тыс. до н.э. Вероятно, еще тогда в Сузах существовала сельская община, где землевладение было коллективным. Земли общины были расположены как в самих Сузах, так и за пределами города. В районе Сузской общины имелись также участки, отведенные для храмов.

Во II тыс. до н.э. происходит расширение храмовых земель и распад общинной формы коллективного землевладения. Несмотря на то, что общинная форма землевладения была разрушена, но во II тысячелетии сохранялась общинная форма управления. Общинная организация, состоящая из ряда должностных лиц с определенными обязанностями, решала спорные имущественные, правовые и другие вопросы, которые возникали среди членов Сузской общины. Рассмотрение подобных дел происходило в присутствии "сыновей Суз многочисленных", что можно принять за народное собрание. Как правило, царь не участвует в этих тяжбах.

Царская власть в Сузах имела другую функцию. Она занималась строительством, дарением земли, вопросами войны и т.д. Город Сузы во II тысячелетии и раньше всегда упоминается в титулатуре правителей Элама. Кроме того, Сузы управлялись одним из членов царской династии, который носил титул "царь Суз" или "суккал Суз". Он осуществлял власть лишь над городом в отличие от верховного правителя, правившего всей страной.

Таким образом, в Сузах власть осуществлял как правитель города, так и общинная организация, при этом решения определенного круга вопросов находилось только в компетенции этой организации.

Н.Б. ЯНКОВСКАЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТ В ПЕРЕДНЕЙАЗИИ П ТЫС. ДО Н.Э.

1. Новейшие исследования клинописных источников из стран Западной Азии III-II тыс. до н.э. показали, что несмотря на повсеместное существование дворцовых хозяйств, наряду с ними повсюду господствовала также система общинно-родственных организаций с собственными органами самоуправления. Поэтому возможность центрального экономического планирования в странах древней Передней Азии этого времени, как это предполагает К. Поланьи, безусловно исключается,

2. Однако, в Южном Двуречье уже к началу III тыс. до н.э. торговля была организована как постоянная поддерживаемая государством отрасль экономической структуры, а не как спонтанная "пассивная торговля" (К.Поланьи). Уже некоторые протошумерские документы содержат свидетельства о распределении храмом земли, (по-видимому общинной) причем на самом первом месте упоминается значительное количество земли, выделенное начальнику торговых агентов (Šab-gal - А.А.Вайман). Такая система была способна обеспечить практическую независимость торговли.

3. В результате, ко II тыс. до н.э. по всей Западной Азии раскинулась сеть торговых общин (kārum), действовавших как посредники в международной торговле. При этом ошибочно считать, что kārum - это только торговые колонии, при этом возникавшие лишь в определенных районах и определенных условиях (создание торговых "империй", специфически направленная колонизация). В действительности kārum является всеобщим типом организации в области международной торговли и существовал, по-видимому, при всяком сколько-нибудь значительном городском центре; различие между отдельными kārum ами заключалось лишь в степени зависимости или независимости торгующих от местных или иных государственных органов и в конкретном соотношении, в каждом отдельном случае, между государственным контролем и

инициативой торговых обществ — едва ли не как правило строившихся на семейно-общинной основе.

4. Отдельные *kārum* и были тесно связаны между собой в целях клиринговых расчетов по взаимным требованиям. Так, постоянное присутствие в *kārum* и различных иноземных агентов позволяло экономить средства платежа, и именно это в действительности дает "ключ к пониманию своеобразной фигуры торгующего иноземца" (К.Поланьи).

5. Образование и дальнейшее развитие *kārum* а, как органа обмена, полностью зависит от происхождения фондов этой организации и, в частности, от степени участия в них государственного и частного секторов.

6. Важнейшие промежуточные перевалочные базы в торговле сырьем, как правило, выносятся из *kārum* а, находящегося в пределах крупной державы, в *kārum* какой-либо нейтральной страны со стабильным режимом, но слабым государственным контролем (так обстояло дело с торговлей оловом в ранний период и железом — в более поздний и т.п.). Это указывает на то, что частные источники средств обращения все время доминировали над государственной торговлей, несмотря на стремления отдельных государств осуществлять контроль над международной торговлей и извлекать из нее доход в свою пользу. Вмешательство государства нередко приводило к разрушению уже налаженных международных связей.

7. Общее количество сведений о торговле, происходящих из официальных архивов городов старовавилонского периода, весьма незначительно, несмотря на высокий уровень развития международной торговли (см. работы В.Ф.Лееманса). Сравнение свидетельств частных архивов с документами, происходящими из государственного архива города Каниша (совр. Кюльтепе около Кайсери, Малая Азия) также показывают, что административные учреждения храмов и двorcов в странах Западной Азии не строго контролировали торговые общины. Купеческие архивы найдены более чем в 70 частных домах в *kārum* и Каниша. Содержание этих архивов обнаруживает развитую систему взаимного кредитования (см. П.Гаретли) со специфической терминологией, которая долго препятствовала пониманию текстов. Основой деловой активности *kārum* а Каниша было кредитование обращения важнейших (для данного времени) видов сырья — меди и

олова. Как международный торговый центр Каниш (для купцов - ālum, "город" par excellence) явился прототипом города-международного рынка.

8. Отсутствие рыночной площади в городах древней западной Азии, равно как и отсутствие текстов, указывающих на существование ярмарок (К.Поланьи), заставляет думать, что товарный рынок зарождался здесь не на основе ярмарок и базаров, а скорее на основе системы кредита, не нуждающейся в базарной площади. Эта система развилась здесь, по-видимому, по причине низкого уровня товарного производства в условиях, когда само производство без обмена невозможно, - хотя сам конкретный уровень товарности еще подлежит уточнению в дальнейших исследованиях.

9. В то же время заключение К.Поланьи об отсутствии на древнем Ближнем Востоке рынков-базаров следует признать ошибочным. Базарная торговля (меновая, а затем, по-видимому, и торговля на серебро) засвидетельствована изобразительным материалом древнего Египта еще с III тыс. до н.э., а анализ состава имущества среднего вавилонянина начала II тыс. до н.э. также показывает, что без наличия внутренней торговли обойтись было нельзя. Место базаров занимали, однако, отчасти, возможно, лавки ремесленников, рассредоточенные в пределах отдельных кварталов (так, по Л.Вулли, в Уре XIX-XVIII вв. до н.э.), а главным образом, по-видимому, торговля на пристанях (шум. kar акк. kārūm); естественно, что именно здесь образовались и те международно-торговые организации, которые во II тыс. до н.э. мы застаем уже вполне автономными и обособившимися и не связанными с базарами какого-бы то ни было рода - в том числе и с пристанями.

10. В настоящее время многие из частных проблем международной системы торговли на древнем Ближнем Востоке в достаточной мере изучены, хотя результаты исследований не координированы между собой. Поэтому можно поставить в качестве очередной задачи реконструкцию древней системы международной западноазиатской торговли в целом.

Эчмиадзинская типография Издательство Академии наук Армянской ССР

ВФ 07170

Заказ 346

Тираж 150

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0387345

[2010]

P^{II}
391619